

29/428

~~СНОШЕНІЯ~~ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКІМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).

1876.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКІМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).

1876.

знаніи характера Наполеона, самолюбиваго и страстнаго къ разрушенію, то нельзя отвергать и того, что въ то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя вниманіе. Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ было бы весьма опасно. Напротивъ, если мы остановимся на этомъ предположеніи и съ нимъ будемъ сообразовывать наши расчеты и дѣйствія, то отъ этого произойдетъ несомнѣнная польза. Если въ настоящее время мы будемъ смотрѣть на войну, какъ на дѣло неизбежное, то успѣемъ сдѣлать всѣ приготовленія, чтобы вести ее съ успѣхомъ. Чѣмъ болѣе затрудненій мы въ состояніи будемъ противопоставить Наполеону, тѣмъ болѣе мы можемъ падѣяться обратить и его самого къ миролюбивымъ видамъ. Наоборотъ, чѣмъ менѣе мы будемъ приготовлены, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ начать войну, которая увлекаетъ его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть независимою и отклонять своею помощію ту гибель, которая постоянно угрожаетъ другимъ державамъ“.

Даже князь Куракинъ, сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей, постоянно наблюдая вблизи характеръ Наполеона въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, понялъ наконецъ, что только внѣшняя грубая сила можетъ поставить въ границы его властолюбіе, неограничиваемое никакими нравственными началами и окончательно утратившее въ это время всякое понятіе о различіи между истиною и ложью, честью и безчестьемъ, добромъ и зломъ. Дѣйствительно, только грозныя силы для обороны, приготовленныя Россіей, могли или отсрочить или совершенно устранить хищническое покушеніе на ея существованіе, какъ самостоятельной державы. Поэтому совѣтъ нашего посланника не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона, и смотря прямо на враждебныя его дѣйствія, приготовляться къ войнѣ, соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе обстоятельствамъ времени. Но такой совѣтъ не былъ новостью для русскаго правительства, которое давно уже было увѣрено въ неизбежной войнѣ съ Наполеономъ и готовилось къ ней. Впрочемъ, не вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ занималъ всѣхъ; но о томъ, можетъ ли Россія приготовиться въ той мѣрѣ, чтобы съ успѣхомъ противустоять грозному врагу. Князь Куракинъ, пораженный гениемъ Наполеона, какъ полководца, и зная огромныя военныя средства, которыми онъ могъ располагать, принадлежалъ къ числу тѣхъ, для коихъ этотъ вопросъ разрѣшался отрицательно. Полагая, что одна Россія не обладаетъ достаточными спо-

собами противостоять такому врагу, онъ совѣтовалъ ей искать заблаговременно союзниковъ. „Наканунъ этого новаго переворота“, писалъ онъ,— „начало котораго опредѣлить не возможно, потому что онъ будетъ зависѣть отъ различныхъ случайныхъ причинъ и особенно отъ хода военныхъ дѣйствій Французовъ въ Португаліи и Испаніи, я не исполнилъ бы своей обязанности и не удовлетворилъ бы требованіямъ моей личной преданности вашему величеству, еслибъ, указывая на положеніе Россіи, въ то же время не представилъ бы моихъ соображеній о тѣхъ средствахъ, которыя могли бы сдѣлать его болѣе благопріятнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ внѣшнимъ сношеніямъ, о которыхъ по моему званію я могу единственно судить по тому положенію, въ которомъ я нахожусь, то-есть въ средоточіи всѣхъ политическихъ движеній“.

Въ представляемыхъ императору соображеніяхъ, Куракинъ говорилъ, что стоитъ лишь взглянуть на карту Европы, чтобы замѣтить, что „отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда и до Мессинскаго пролива — все Франція“, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ все послѣдуетъ за тѣмъ движеніемъ, которое возбудитъ воля императора Наполеона. Въ этихъ государствахъ можно лишь разчитывать на содѣйствіе *народовъ*, доведенныхъ до отчаянія противъ ихъ угнетателей; но „известно, какъ не надежны подобные союзники, и что есть различіе между характерами Испанца и Голландца, Нѣмца и Итальянца“. За этими небольшими государствами, которыя въ настоящее время можно считать какъ-бы совершенно присоединенными къ Франціи, представляются *развалины* двухъ монархій, когда-то могущественныхъ, но теперь ослабленныхъ, едва продолжающихъ безсильное существованіе и которыя могутъ быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франція заподозрила ихъ въ связяхъ съ нами. Ихъ положеніе въ настоящее время весьма двусмысленно. Ихъ истинныя выгоды, конечно, влекутъ ихъ къ Россіи, потому что если она погибнетъ, то никто уже не можетъ ихъ спасти. Сила обстоятельствъ, ложные разчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты Берлинскій и Вѣнскій, подчинили ихъ игу Франціи. „Я не буду удивленъ“, говорить князь Куракинъ,— „если Австрія и Пруссія соединятся съ Франціей,—такъ неопредѣленны ихъ воззрѣнія, и такъ онѣ желаютъ обмануть себя въ приближеніи переворота, котораго самѣ онѣ, сначала одна, а потомъ другая, сдѣлаются неминуемыми жертвами“. Изъ этого-то неопредѣленнаго состоянія Куракинъ совѣтовалъ во что бы то ни стало вывести какъ Австрію, такъ и Пруссію, потому что прежде

всего намъ необходимо опредѣлить ясно наши къ нимъ отношенія. Положеніе Пруссіи самое затруднительное: она окружена со всѣхъ сторонъ, ея крѣпости въ рукахъ Французовъ, финансы истощены, армія убавлена въ числѣ и можетъ быть всегда уничтожена прежде, нежели успѣетъ сосредоточиться. Нельзя не опасаться, что для нея уже нѣтъ ни времени, ни возможности принять сторону, согласную съ ея дѣйствительными выгодами. Потокъ произшествій можетъ увлечь ее прежде, нежели она успѣетъ на что-нибудь рѣшиться. Поэтому крайне необходимо, какъ можно скорѣе войти съ нею въ соглашеніе и предупредить то мгновеніе, когда она будетъ поставлена въ положеніе выбирать между Россіей и Франціей. Съ одной стороны необходимо, чтобъ она знала, что при всякихъ обстоятельствахъ можетъ на насъ надѣяться, если даже возбудитъ противъ себя Наполеона, а съ другой необходима увѣренность, что мы можемъ на нее разчитывать. „Конечно, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ 60 тысячамъ войска; но не лучше ли, чтобъ они были за насъ, нежели противъ насъ?“

Что касается до Австріи, то вопросъ объ отношеніяхъ къ ней имѣетъ гораздо большее значеніе. Австрійская армія состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 200 тысячъ, а потому это государство еще имѣетъ вѣсъ въ дѣлахъ Европы. Ея присоединеніе къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе какъ для нея самой, такъ и для Россіи. „Вашему императорскому величеству“, писалъ князь Куракинъ, „хорошо извѣстны какъ мой взглядъ на австрійскій кабинетъ, такъ и тщетныя мои усилія, въ то время какъ я былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, укрѣпить взаимное согласіе между имъ и нами, которое такъ согласно съ нашими взаимными выгодами и такъ необходимо для поддержанія ихъ. Но обстоятельства того времени, и особенно Эрфуртскіе переговоры, такъ сильно смутившіе Австрійскаго императора, послужили непреодолимымъ препятствіемъ, не смотря на всѣ усилія съ моей стороны. Въ настоящее время достигнуть этого соглашенія сдѣлалось еще труднѣе“, — конечно, вслѣдствіе семейныхъ узъ, соединившихъ Габсбургскій домъ съ императоромъ Наполеономъ. Не смотря на то, Куракинъ совѣтуетъ Александру попытаться вновь войти въ переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, чтобы обезпечить намъ если не содѣйствіе Австріи, то по крайней мѣрѣ ея нейтралитетъ. „Бракъ эрцгерцогини Луизы не доставилъ Австріи никакихъ существенныхъ выгодъ со стороны Франціи. Императоръ Наполеонъ не щадитъ никого и при исполненіи своихъ замысловъ не стѣсняется узами

самаго близкаго родства, чему служить доказательствомъ судьба его братьевъ, Людовика и Люціана. Вѣнскій дворъ сильно ошибется если подумаетъ, что этотъ бракъ послужитъ ему защитой“.

На это именно обстоятельство князь Куракинъ совѣтовалъ особенно упираться при переговорахъ съ Австріей и надѣялся, что они могутъ повести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ, но единственно при томъ условіи, если мы успѣшимъ заключить миръ съ Оттоманскою Портою какъ можно скорѣе, и притомъ на такихъ условіяхъ, которыя не возбудили бы подозрѣній со стороны Австріи. „Но по этой ли одной причинѣ мы должны усиленно желать окончанія этой войны? Нѣтъ“, отвѣчаетъ князь Куракинъ на этотъ вопросъ, — „но особенно потому, что этотъ миръ можетъ имѣть важное вліяніе на политическое наше положеніе вообще, которое до тѣхъ поръ, пока продолжается война съ Турками, не будетъ представлять достаточнаго ручательства въ томъ, что мы можемъ располагать необходимыми средствами, чтобы противостоять такому врагу, какъ Наполеонъ. Образование въ огромныхъ размѣрахъ средствъ для обороны должно быть исключительнымъ предметомъ нашихъ заботъ, потому что отъ этого зависитъ наше будущее существованіе. Мое мнѣніе таково, что для этого мы должны пожертвовать въ настоящее время всѣми видами на увеличеніе владѣній, что только отвлекаетъ наше вниманіе отъ главнаго предмета заботъ. Эти виды могутъ осуществиться впоследствии, когда положеніе Европы будетъ болѣе благопріятнымъ для ихъ осуществленія и не подвергнетъ насъ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которымъ, къ нашей бѣдѣ, мы можемъ подвергнуться нынѣ, если упорно будемъ ихъ преслѣдовать. Дунайскія княжества и Сербія могли бы образовать независимыя государства, подъ обезпеченіемъ трехъ державъ—Россіи, Австріи и Турціи, которая будетъ только получать отъ нихъ ежегодно опредѣленную подать. Такое ихъ устройство, съ одной стороны, не противорѣчило бы нашимъ прежнимъ заявленіямъ объ этихъ княжествахъ, а съ другой его, по всей вѣроятности, не отвергла бы и Турція. Миръ, который послѣдовалъ бы тогда, и оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, не былъ ли бы гораздо полезнѣе для насъ, въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ императоръ Наполеонъ, нежели пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи? Таковы“, заключаетъ Куракинъ, — „три важныя послѣдствія, которыхъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ

достигнуть какою бы то ни было цѣной и я считаю священнымъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе вашего величества“ ¹⁾).

Мы изложили подробно содержаніе этого донесенія нашего посланника, потому что выраженный въ немъ взглядъ не принадлежитъ лично ему одному, но составлялъ въ это время общій взглядъ всѣхъ тѣхъ дипломатовъ и государственныхъ людей всѣхъ державъ, не исключая и Франціи, которые не были безсознательно или корыстно увлечены Наполеономъ, а полагали необходимымъ положить предѣлъ его властолюбію, поработившему и раззорившему всю Европу. Но для того, чтобы привести въ исполненіе эти предположенія, необходимы были два условія, казавшіяся нашему правительству весьма затруднительными: прежде всего слѣдовало заключить миръ съ Турками, *на какихъ бы то ни было условіяхъ*, и затѣмъ дѣйствовать наступательно.

Война съ Турціей, послѣ Екатерининскихъ блистательныхъ войнъ съ этою державою, продолжавшаяся такъ долго и безъ особенныхъ успѣховъ, стоившая столько пожертвованій, тяготила Россію особенно потому, что она считала эту войну однимъ изъ послѣдствій нашего союза съ Франціей, заключеннаго въ Тильзитѣ и подкрѣпленнаго въ Эрфуртѣ, то-есть считала навязанною намъ, также какъ и войну съ Швеціей, вліяніемъ Наполеона, который желалъ только связать Россіи руки для того, чтобы самому дѣйствовать свободно и обезсилить ее къ тому времени, когда онъ сочтетъ удобнымъ раздѣлаться съ нею также, какъ и съ другими державами континентальной Европы. Но именно это обстоятельство и было причиною того, что наше правительство не хотѣло уменьшать своихъ требованій въ отношеніи къ Турціи, полагая, что значительныя пріобрѣтенія примирять общественное мнѣніе съ этою войною, а это въ своей чередъ затягивало переговоры и отдаляло заключеніе мира.

Между тѣмъ продолженіе Турецкой войны и требованіе уступки Дунайскихъ княжествъ отдалило насъ отъ Австріи, а Пруссія была въ рукахъ Французовъ. Чтобы обезпечить для насъ союзъ съ нею, необходимо было занять вооруженною рукою восточныя ея провинціи и герцогство Варшавское и такимъ образомъ самимъ начать войну противъ Наполеона. Но Русскій императоръ, съ одной стороны, не желалъ быть начинателемъ войны, а съ другой — и военныя приговленія наши не были еще окончены въ то время. Точно также,

¹⁾ Донесеніе князя Куракина императору Александру 6/18 февраля 1811 года изъ Парижа.

давно рѣшившись разгромить Россію и изготовляя всё для того средства, и Наполеонъ не рѣшался начать войну, удерживаемый дѣлами Испаніи и усиливая болѣе и болѣе военныя приготовленія.

Такое положеніе дѣлъ естественно придавало особенный характеръ дипломатическимъ сношеніямъ обѣихъ державъ. Въ дѣйствительности онѣ находились въ полномъ разрывѣ между собою, ожидали войны и готовились къ ней, но въ то же время говорили о необходимости искренняго союза между ними, благотѣльнаго для Европы, единственнаго ручательства за прочность мира, въ которомъ такъ нуждалась она, истомленная непрерывными и столь продолжительными войнами. Государи переписывались между собою, выражали чувства личной дружбы одинъ къ другому и въ то же время не вѣрили политикѣ государствъ.

Во время Тильзитскаго свиданія молодой офицеръ нашей гвардіи А. И. Чернышевъ, отличавшійся красотою, обратилъ на себя вниманіе Наполеона. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что въ 1809 году, во время Австро-Французской войны, императоръ Александръ отправилъ его съ своими письмами къ Наполеону и Австрійскому императору. Пробывъ довольно долго въ Шенбруннѣ, во все время переговоровъ о мирѣ между Франціей и Австріей, Чернышевъ пользовался благосклонностію Французскаго императора и близко познакомился съ лицами, его окружавшими. Впослѣдствіи Александръ постоянно посылалъ его съ своими письмами къ Наполеону, и въ свой чередъ Наполеонъ ввѣрялъ ему свои письма къ Александру. Поэтому Чернышеву приходилось иногда долгое время оставаться въ Парижѣ.

Приведенное донесеніе князя Куракина было писано въ то время, когда въ Парижѣ находился Чернышевъ. Въ концѣ декабря 1810 года онъ посланъ былъ императоромъ Александромъ въ Стокгольмъ а оттуда въ Парижъ и привезъ собственноручное письмо къ императору Французовъ. Въ этомъ письмѣ Александръ говорилъ Наполеону, что главнѣйшій предметъ его заботъ состоитъ въ поддержаніи союза, который связуетъ двѣ имперіи и обезпечиваетъ спокойствіе всей Европы: „Ваше величество можете убѣдиться, что я постоянно и во всѣхъ случаяхъ выражалъ необходимость самаго тѣснаго союза между нами. Россія ничего не домогается, лишь бы заключить миръ съ Турціей. Условія, на коихъ я желаю заключить его, вамъ извѣстны; я никогда ничего не требовалъ болѣе. Мѣры противъ англійской торговли строго соблюдаются, доказательствомъ тому

могутъ служить многочисленныя конфискаціи въ моихъ портахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они предприняты, едва только 30 кораблей, разныхъ народовъ, вошли въ нихъ. Невѣроятно, чтобы прибыли еще другіе, потому что многіе порты уже покрыты льдомъ. Во всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть значительно, и противъ нихъ будутъ приняты тѣ же строгія мѣры. Нѣмецкимъ политикамъ пріятно распускать тревожные слухи и поддерживать безпокойство въ умахъ; но я не вѣрю имъ, потому что полагаюсь на ваши увѣренія¹⁾.

Чернышевъ, выѣхавъ изъ Стокгольма 7-го декабря, послѣ труднаго переѣзда чрезъ Зундъ и Бельтъ въ Копенгагенъ, пріѣхалъ оттуда въ Парижъ 4-го января 1811 года утромъ и немедленно отправился въ Тюльери. Императоръ Наполеонъ присутствовалъ въ это время въ государственномъ совѣтѣ, и возвратившись оттуда въ 5^{1/2} часовъ по полудни, немедленно принялъ Чернышева и проговорилъ съ нимъ около полутора часа.

Вручая письмо Александра, Чернышевъ сказалъ, что онъ былъ „весьма счастливъ, что, возвратившись послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія въ Петербургъ, онъ нашелъ императора Александра въ такомъ же добромъ расположеніи къ Франціи, какъ и прежде, и что все вниманіе императора устремлено на то, чтобы сохранить и усилить еще болѣе союзъ и дружбу между двумя имперіями. Поэтому“, заключилъ Чернышевъ,—„онъ особенно поручилъ мнѣ выразить нашему величеству увѣренія, что онъ твердо рѣшился поддерживать континентальную систему; многочисленныя конфискаціи въ нашихъ портахъ доказываютъ, что она строже соблюдается, нежели какъ можно было предполагать“.

Совершенное спокойствіе и отсутствіе всякаго раздраженія, съ которымъ противъ обыкновенія отвѣчалъ Наполеонъ, поразили Чернышева. „Депеши, которыя я получилъ изъ Петербурга, а также сообщенія князя Куракина моему министру иностранныхъ дѣлъ“, говорилъ императоръ Французовъ, — „показали мнѣ, что мои предложенія были поняты тамъ совершенно въ иномъ смыслѣ. Я счелъ себя

¹⁾ Письмо отъ « » ноября 1810 года; на черновомъ отпускѣ не выставлено числа. Всѣ письма къ императору Наполеону писаны на черно рукою императора Александра I, на небольшихъ листахъ писчей бумаги, перегинутыхъ пополамъ, карандашемъ (какъ и всѣ вообще писанныя имъ письма и депеши). Съ нихъ списывались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ копіи, которыя императоръ потомъ пересматривалъ и исправлялъ и наконецъ уже переписывалъ на блго.

обязаннымъ заявить императору Александру единственный способъ подавить Англичанъ; но онъ нашелъ его вреднымъ для его имперіи, что въ сущности можетъ быть справедливо, поэтому я не придаю ему особеннаго значенія. Мое искреннее желаніе—сохранить миръ между нами, и я отвѣчаю за его продолженіе, если только Россія не нападетъ на меня. Какая для меня польза начать войну съ Россіей? Гораздо болѣе представляетъ вѣроятности предположеніе, что вы захотите прійти въ Парижъ, нежели я въ Петербургъ“. Затѣмъ Наполеонъ прибавилъ, что относительно нашихъ финансовъ онъ увѣренъ, что они скорѣе поправятся, если мы заключимъ миръ съ Турками, нежели съ Англичанами.

Но самый смыслъ этого отвѣта могъ бы поразить еще болѣе. Наполеонъ считалъ не важными свои требованія и изъявлялъ готовность, вопреки своему самолюбію, отказаться отъ нихъ, лишь только Россія найдетъ ихъ невыгодными для себя. Но въ чемъ же заключались эти требованія или *предложенія*, какъ называлъ ихъ Наполеонъ въ этомъ разговорѣ? Онъ выразилъ ихъ самъ въ томъ письмѣ, которое, по его порученію, Чернышевъ отвозилъ императору Александру. „Англичане“, писалъ онъ,—, сильно страдаютъ послѣ того, какъ я присоединилъ Голландію и захватилъ ихъ товары въ портахъ Мекленбурга и Пруссіи. Въ Лондонѣ еженедѣльно открываются банкротства, что производитъ волненія въ городѣ. Я только что забралъ въ Швейцаріи и Франкфуртѣ громадныя количества англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. 600 англійскихъ торговыхъ судовъ, бродившихъ въ Балтійскомъ морѣ, не были приняты въ Мекленбургъ и Пруссіи и отправились къ портамъ вашего величества. Если вы ихъ пріимете, то война еще будетъ продолжаться; если же вы ихъ захватите и конфискуете грузы,—находятся ли они еще въ вашихъ портахъ или уже выгрузили на берегъ товары,—это разразится страшнымъ ударомъ надъ Англіей, потому что всѣ грузы принадлежатъ ей. Итакъ, отъ вашего величества зависитъ и война, и миръ. Вы желаете и должны желать мира. Ваше величество можете быть увѣрены, что мы достигнемъ мира, если вы конфискуете эти 600 кораблей или ихъ грузы. Какими бы они ни были снабжены свидѣтельствами, явятся ли они подъ именемъ французскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, датскихъ, русскихъ, шведскихъ, ваше величество можете быть увѣрены, что все это — Англичане“¹⁾). Этимъ письмомъ, безъ вся-

¹⁾ Письмо 23-го октября н. ст. 1810 г. изъ Фонтенебло.

кихъ ограниченій, сразу, рѣшался вопросъ о нейтральной торговлѣ. Наполеонъ не хотѣлъ признавать ее болѣе и всѣ суда нейтральныхъ державъ, съ ихъ грузами, одинаково захватывалъ, какъ и англійскія. Въ то же самое время, какъ онъ отправилъ это письмо къ императору Александру, онъ поручалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ писать въ томъ же смыслѣ къ французскому посланнику при нашемъ дворѣ. „Если императоръ Александръ“, писалъ онъ Шампаньи, — „рѣшится дѣйствовать съ большею силою, то онъ пріобрѣтетъ не менѣе 40 милліоновъ (то-есть, ограбивъ грузы нейтральныхъ судовъ) и подорветъ Англію... Что касается до правила, что воюя съ Англіей, не слѣдуетъ воевать съ нейтральными, то это—заблужденіе. Англичане не признаютъ никакихъ нейтральныхъ; они дозволяютъ плавать Американцамъ только подъ условіемъ, чтобы тѣ перевозили ихъ товары и на ихъ счетъ. Всѣ свидѣтельства французскихъ консуловъ и всякія другія бумаги, которыми снабжены эти корабли, подложны. Все это слишкомъ ясно, чтобы возможно было этого не знать. Война и миръ — въ рукахъ Россіи“ ¹⁾).

На письмо Наполеона, привезенное Чернышевымъ, и на изустные разказы послѣдняго о требованіяхъ императора Французовъ, подтвержденные и настояніями Коленкура, наше правительство отвѣчало, что Русскій императоръ никогда не рѣшится принять иностранныхъ торговыхъ постановленій и тарифовъ, безъ соображенія съ источниками народнаго богатства своего государства и его развитіемъ. „Это было бы нерадѣніе о благѣ своихъ подданныхъ и ослабило бы народную преданность, которою государь дорожить, и на которую имѣетъ право. Великая держава, соблюдая и великія пользы, должна дѣйствовать самостоятельно какъ внутри своей страны, такъ и въ дружественныхъ сношеніяхъ съ другими государствами“. Ту же мысль императоръ выразилъ французскому посланнику, сказавъ, что „будетъ вредить Англичанамъ, но не закроетъ портовъ для торговли нейтральной, не считая себя обязаннымъ принимать такіа мѣры, которыя превышаютъ условія трактата, заключеннаго съ императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоряжаться у себя для собственной пользы“ ²⁾). Послѣдствіемъ этихъ заявленій было изданіе „Положенія

¹⁾ Письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 16-го апрѣля и 4-го ноября 1810 г. *Bignon*, Hist. de France, гл. XXIV. *Thiers*, Hist. de l'empire, I. XX.

²⁾ Дешеша графа Руянцева къ князю Куракину 24-го ноября 1810 года. Письмо Коленкура къ Шампаньи въ ноябрѣ того же года.

о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ“¹⁾, которое было дѣйствительно самымъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія Наполеона и явнымъ заявленіемъ свободы и самостоятельности Россіи во внутреннихъ распоряженіяхъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такъ-называемая нейтральная торговля была большею частію подложная и въ сущности англійская; но это было такимъ же необходимымъ послѣдствіемъ чудовищной мѣры, неудачно придуманной геніальною злобою Наполеона противъ Англій и извѣстной подъ названіемъ *континентальной системы*, какъ и правильно и въ огромныхъ размѣрахъ устроенная ими контрабанда, развратившая международную торговлю. Но во время заключенія Тильзитскаго трактата, Наполеонъ еще не понималъ, какое можетъ получить значеніе нейтральная торговля, или не считалъ еще себя достаточно властелиномъ всей Европы, чтобы требовать отъ своихъ союзниковъ ея запрещенія. Но вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ Англія издала законъ, по которому дозволила свободное плаваніе по морямъ только тѣмъ кораблямъ, грузъ которыхъ осмотрѣнъ англійскимъ правительствомъ, въ Лондонѣ, Мальтѣ или другихъ установленныхъ ею мѣстахъ и оплаченъ въ ея пользу пошлиной, и которые снабжены ея свидѣтельствами. На основаніи этого правила, которое властительница морей могла поддержать и поддерживала силою, нейтральная торговля естественно попала въ руки Англій и превратилась, въ большей части случаевъ, въ наилучшее, или по крайней мѣрѣ, самое безопасное орудіе ея контрабанды.

На распоряженія Англій Наполеонъ отвѣчалъ декретами Миланскимъ и Трианонскимъ, тарифомъ, направленнымъ противъ нейтральной торговли, присоединеніемъ къ Франціи побережій Нѣмецкаго моря, Голландіи, ганзейскихъ городовъ, конфискаціей англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Онъ жегъ эти товары, но болѣе продавалъ, и этою послѣднею мѣрою хотѣлъ увлечь въ свои виды и Россію. Военный грабёжъ, доставившій ему огромныя суммы денегъ, далъ ему возможность образовать особый фондъ, военный (*le trésor de l'armée*), которымъ онъ тайно пополнялъ дефициты своей имперіи. Но непрерывныя войны и другія потребности истощали этотъ фондъ въ то время. Онъ думалъ пополнить его продажей англійскихъ и коло-

¹⁾ Полн. Собр. Зап. 1810 г. декабря 19-го, № 24461.

нiальныхъ товаровъ и воспользовался этою мѣрою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но эти размѣры были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, въ какихъ возрастали ежегодно выгоды Англіи, вслѣдствіе принятой Наполеономъ противъ нея континентальной системы. Завладѣвъ колоніями и торговыми флотами всѣхъ державъ, она владычествовала безусловно на моряхъ. Если и раззорились нѣкоторые частные промышленники и торговые дома, то вообще ея торговля возрастала, и доходы увеличивались ежегодно. Придуманная Наполеономъ мѣра обратилась въ пользу Англіи потому, что была неисполнима. Исполненіе этой мѣры равнялось бы совершенному прекращенію внѣшней торговли всѣхъ государствъ, а слѣдовательно, — полному ихъ разоренію. Поэтому, не могла не существовать и не развиваться контрабанда. Самъ Наполеонъ призналъ неисполнимость этой мѣры, допустивъ торговлю нѣкоторыхъ лицъ по особымъ для того *свидѣтельствамъ* и съ платою огромныхъ пошлинъ (*licence*). Но допуская такое исключеніе для Франціи, онъ настоятельно требовалъ отъ союзныхъ съ нимъ державъ полнаго запрещенія нейтральной торговли. Конечно, всѣ преклонились передъ силою; поспорила отчасти лишь Швеція, да рѣшительно отказала Россія.

Объ этомъ-то отказѣ Наполеонъ, выходявшій постоянно изъ себя при каждомъ намекѣ на англійскую торговлю, отозвался такъ спокойно и благосклонно въ разговорѣ съ Чернышевымъ. Выслушавъ такую отвѣтъ Чернышевъ обратилъ вниманіе Наполеона на то, что выраженный имъ взглядъ устраняетъ тѣ два недоразумѣнія, на которыя, до отъѣзда его въ Петербургъ, онъ указывалъ какъ на такія, которыя могутъ быть поводомъ къ разрыву между имперіями, и что поэтому, въ настоящее время онъ почитаетъ союзъ и согласіе между ними вполне обезпеченнымъ.

Вмѣсто отвѣта на это замѣчаніе, Наполеонъ сказалъ Чернышеву „что онъ съ радостію узналъ, какъ императоръ Александръ выразился на счетъ пріобрѣтеній отъ Турціи, совершенно согласно съ видами Франціи. Поэтому онъ полагаетъ, что намъ очень скоро удастся заключить миръ съ Турками. Но я долженъ обратить вниманіе вашего величества“, доносилъ Чернышевъ императору, — „что, въ отношеніи къ этому вопросу, императоръ Наполеонъ въ продолженіе разговора очень часто противорѣчилъ самъ себѣ. То онъ предсказывалъ скорое заключеніе мира, то говорилъ о предстоящемъ возобновленіи войны. Онъ находилъ наше военное положеніе

въ отношеніи къ Туркамъ весьма выгоднымъ, потому что въ нашихъ рукахъ находилось много крѣпостей на правомъ берегу Дуная: но въ то же время полагалъ весьма печальнымъ то обстоятельство, что по недостатку продовольствія, мы были вынуждены перевести на этотъ берегъ свою главную квартиру и большую часть войскъ и оставить на противоположномъ берегу только три дивизіи. Это, говорилъ онъ, ободрить Турокъ и поощрить ихъ къ продолженію войны, къ чему возбуждаютъ ихъ Англичане, Австрійцы, Шведы и Поляки, которые не перестаютъ распускать слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Франціей, который, конечно, имъ выгоденъ. Сверхъ того, императоръ Наполеонъ говорилъ, что война съ Турками можетъ представлять для насъ затрудненія единственно въ отношеніи къ денежнымъ издержкамъ, особенно если мы ограничимся только защитой праваго берега Дуная, что весьма легко и не потребуетъ много войска. Но что касается до финансовъ, то затруднительное наше положеніе, говорилъ онъ, зависитъ отъ того, что ваше величество во всѣхъ случаяхъ поступали слишкомъ рыцарски (*en vrai chevalier*), строго наблюдая, чтобы заплачены были всѣ военныя издержки Австріи и Пруссіи. „Еслибъ императоръ Александръ дѣйствовалъ какъ я, то-есть; какъ человѣкъ разчета (*en homme de calcul*), то никогда не чувствовалъ бы недостатка въ деньгахъ. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ черезъ своихъ генераловъ, то и не обращалъ особаго вниманія на свои выгоды; но какъ я самъ предводительствовалъ своими, то и бралъ все, что считалъ нужнымъ“. Наконецъ, онъ прибавилъ: „Совершенно въ иномъ положеніи находилась бы Россія, еслибы вашъ императоръ принялъ то предложеніе, которое я сдѣлалъ ему въ Тильзитѣ, — раздѣлить владычество надъ міромъ (*de partager le monde*); тогда у него было бы много и войскъ, и денегъ“.

Когда императоръ Наполеонъ выразилъ не только миролюбивое настроеніе въ отношеніи къ Россіи, но даже и заботу о ея благосостояніи, Чернышевъ позволилъ себѣ скромно замѣтить ему, что ѣхавши въ Парижъ, онъ дорогою, въ Копенгагенѣ, случайно узналъ о присоединеніи къ Французской имперіи ганзейскихъ городовъ и о конскрипціи на 1811 годъ, тогда какъ незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ, отпуская Чернышева въ Петербургъ, поручилъ ему сказать императору Александру, что онъ не прибѣгнетъ къ конскрипціи за этотъ годъ.

Вовсе не отвѣчая на первое обстоятельство, императоръ Напо-

леонъ сознался, что дѣйствительно онъ не намѣревался прибѣгать къ этой конскрипціи, но что сильныя потери въ людяхъ въ Испаніи, гдѣ его дѣла идутъ не совсѣмъ удовлетворительно, принудили его взять часть конскриптовъ и именно въ томъ числѣ, которое необходимо для пополненія войскъ, находящихся въ Испаніи. Но онъ не потребуетъ полнаго числа конскриптовъ, потому что это стоило бы большихъ издержекъ, а ему и безъ того предстоитъ ихъ очень много. Онъ окончилъ рѣчь новыми увѣреніями, что желаетъ поддержать мирныя отношенія къ Россіи, и замѣтилъ, что передвиженіе корпусовъ Даву производится только для того, чтобы занять области ганзейскихъ городовъ, что онъ даетъ слово не увеличивать этой арміи, и даже изъ тѣхъ полковъ, изъ которыхъ они состоятъ, онъ дозволилъ давать отпуски“.

Такія миролюбивыя рѣчи не обманули и молодого русскаго офицера. Сообщая ихъ императору, Чернышевъ писалъ въ то же время:

„Осмѣливаюсь сказать вашему величеству, что не смотря на то, что рѣчи императора Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно несогласны съ ними. Быстрота, съ которою въ продолженіе шести мѣсяцевъ совершенно столько насильственныхъ присоединеній, предвѣщаніе, что за ними послѣдуютъ другіе захваты, деспотическія и насильственныя мѣры, которыя употреблялъ Наполеонъ для увеличенія своихъ войскъ, конскрипція нынѣшняго года, которую онъ возьметъ, конечно, въ полномъ числѣ, въ чемъ никто не сомнѣвается, видя къ какимъ коварнымъ онъ прибѣгаетъ средствамъ, наконецъ, предположеніе устроить подвижную національную гвардію болѣе нежели въ 300 тысячъ человекъ, о чемъ ужъ идутъ разсужденія въ государственномъ совѣтѣ (хотя это предположеніе и встрѣчаетъ тамъ много возраженій, но безъ сомнѣнія, будетъ утверждено и приведено въ исполненіе), всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ ставятъ всѣ европейскія державы въ крайне тревожное положеніе въ отношеніи Французской имперіи. Не безъ страха смотрятъ онѣ на ея владычество не только надъ всѣми берегами Средиземнаго моря, но и на распространеніе его на берега Балтійскаго моря. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что его самолюбіе не знаетъ предѣловъ и угрожаетъ существованію всѣхъ небольшихъ сѣверныхъ государствъ — Даніи, Пруссіи и др.

Правда, что послѣ небольшого отсутствія изъ Парижа, я нашелъ по возвращеніи большую перемену въ настроеніи умовъ; на всѣхъ лицахъ замѣтны признаки унынія, сердца какъ будто стѣснены го-